Юнона Белова
Игрушка жестокого наследника.
Ты хотел сделать меня куклой,
но я разорвала твои нити!

Юнона Белова

Игрушка жестокого наследника. Ты хотел сделать меня куклой, но я разорвала твои нити!

https://litres.ru/74690799
SelfPub; 2026

Аннотация

Я выросла в приюте и мечтала только об одном — танцевать на большой сцене. Но в элитной балетной академии сиротам отведено место у пола.

Артём Громов, жестокий наследник академии, превращает мои тренировки в пытку. Его отец угрожает лишить меня стипендии, богатая соперница ломает мои пуанты, а каждое падение становится поводом для унижения.

Они уверены, что я сломаюсь.

Но рядом появляется Егор — единственный, кто видит во мне человека. И когда наступает решающий турнир, я должна выбрать: стать идеальной куклой в руках Громовых или рискнуть всем ради танца.

Я — Кира Ветрова. И больше не позволю никому решать, как мне жить.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Юнона Белова
Игрушка жестокого наследника. Ты хотел сделать меня куклой, но я разорвала твои нити!

Глава 1

Запах казённого мыла въедается в кожу, как яд. Я чувствую его на своих пальцах, сжимающих ленту левого пуанта. Это единственный запах, который у меня есть. У Марины Лазаревой пахнет дорогим парфюмом и деньгами её отца-мецената. У остальных — чужими амбициями. А у меня только дешевая химия из приюта, которая не вымывается даже после десяти стирок.

Зал №1 гудит от дыхания двадцати тел. Зеркальные стены отражают нас бесконечным коридором худых, напряженных спин. Мы разминаемся перед просмотром сольных номеров. Перед днем, который решит, кто останется в Академии Громовых, а кто будет выброшен на обочину жизни вместе с моим сломанным носком.

Марина стоит ко мне спиной, поправляя юбку. Её туфли с жёсткими каблуками блестят, как полированный металл. Внезапно она делает шаг назад. Не случайный. Намеренный.

Её каблук вдавливает кончик моего пуанта в пол. Хруст жёсткой коробочки звучит оглушительно в тишине зала. Она не замечает? Нет. Она чувствует всем своим идеальным телом, что под её ногой что-то треснуло. Марина медленно оборачивается, улыбаясь уголками губ.

— Ой, прости, Кира. Твои туфли пахнут казённым мылом, — её голос тихий, но в зале слышно всё. — Сиротские привычки. Никогда не знаешь, где границы твоего места.

Я смотрю вниз. Атлас на носке пуанта лопнул; под ним раскрошилась жёсткая коробочка. Моя опора разрушена за три секунды до начала моей жизни. Внутри поднимается волна тошноты, смешанная с яростью. Если я сейчас заплачу или закричу — я проиграла. Если я буду танцевать в этом — я сломаю ногу.

Молча, не сводя глаз с лица Марины, я поднимаюсь на пуанты. Один. Второй. Третий. Каждый шаг отдает острой болью в подушечке стопы, кровь уже начинает проступать сквозь ткань. Но лицо остается маской спокойствия. Я прячу руки за спину, чтобы скрыть дрожь пальцев. Игнорирую провокацию. Сохраняю позу. Пусть думают, что мне плевать. Это ритуал посвящения: они ломают нам обувь, чтобы мы не могли танцевать чисто, чтобы мы спотыкались, чтобы они могли сказать, что мы недостаточно хороши для их мира.

Музыка взрывается битами. Мой выход.

Выхожу в центр круга света. Начинаю вариацию. Тело помнит каждое движение лучше, чем разум. Плие, relevé, adagio. Я лечу над полом, игнорируя пульсирующую рану на стопе. В голове только ритм. Сердце колотится в такт барабанам. Сейчас кульминация — высокий прыжок с поворотом, переходящий в пике. Я набираю воздух, собираясь в пружину, чувствуя, как мышцы ног натягиваются до предела...

Вжух.

Тишина. Музыка обрывается посередине фразы. Я уже в воздухе; сбитая тишиной, приземляюсь тяжело, едва удерживая колени. Пока ещё стою.

Артем Громов сидит в первом ряду. Он даже не поднял глаза от блокнота. Его голос звучит сухо, как лязг затвора пистолета.

— Стоп. Повторить без эмоций. Техника мертва. Ты танцуешь, как будто тебе больно. Тебе должно быть хорошо. Или ты хочешь, чтобы я видел твою жалость к себе?

По залу пробегает нервный шепот. Студенты отводят взгляд. Артем не просто педагог. Он сын ректора, главный тиран этой академии, человек, который ломает учеников ради идеального результата. Для него нет понятия «почти». Есть только «идеально» или «никто».

— Господин Громов, это часть хореографии, — мой голос срывается, но я заставляю себя говорить ровно. — Там есть нюанс напряжения...

— Твой нюанс выглядит как судорога, — перебивает он, наконец поднимая голову. Его глаза серые, холодные, как зимнее небо над приютом. — Начни заново. С первого такта. Без музыки. Только тело. Если не можешь чувствовать ритм внутри головы, значит, ты не заслуживаешь слушать музыку снаружи.

Он заставляет меня начать с нуля. Под его молчаливым, тяжелым взглядом. Я делаю первый плие. Второй. Третий. Пот стекает по вискам, щиплет глаза. Боль в стопе становится жгучей, невыносимой. Я знаю, что если сделаю этот прыжок в сломанном пуанте, баланс уйдет. Но если не сделаю — он скажет, что я слаба.

Я выпрыгиваю. Воздух кажется сладким. Но приземление...

Сломанный носок пуанта подминается при приземлении. Центр тяжести смещается. Мир качается. Я падаю. Не грациозно, не как в балете. Жестко. Колени ударяются о паркет с глухим стуком, который разносится эхом в мертвой тишине зала.

Боль вспыхивает белым пятном перед глазами. Я стою на четвереньках, чувствуя, как тёплая влага проступает на содранных коленях. Кровь. На паркете остаются красные мазки.

Никто не подходит помочь. Они стоят, как статуи, ожидая зрелища.

Я медленно выпрямляюсь. Руки дрожат, но я сжимаю ку-

лаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Поднимаю голову и смотрю прямо в глаза Артему. Он не моргает. В его взгляде нет ни жалости, ни презрения. Только голодный интерес исследователя, который увидел удачный эксперимент.

В этот момент страх уходит. На его место приходит ледяная ярость. Они хотят сломать меня физически, чтобы сломать морально. Чтобы я выбежала из зала и никогда больше не вернулась. Но я остаюсь стоять. Смотрю. Жду приговора.

Урок заканчивается. Я не произношу ни слова. Просто беру свою сумку и выхожу.

В раздевалке давит дух чужих секретов и пота. Я сижу на скамейке, пытаясь стянуть с окровавленной ноги остатки пуанта. Дверь открывается, и входит Марина в сопровождении двух своих теней.

Они блокируют выход. Марина прислоняется плечом к стене, скрестив руки на груди.

— Извинись, — командует она. — За то, что позоришь курс своим видом. За то, что ты вообще здесь находишься. Скажи, что ты ошиблась адресом. Что сиротам место в мусорных баках, а не на паркете.

Я поднимаю глаза. Моё лицо бледное, но спокойное. Я вижу, как горят её щеки. Ей нужно, чтобы я заплакала. Нужно, чтобы я униженно просила прощения. Тогда её власть подтвердится.

Но я не извиняюсь. Медленно стягиваю второй пуант, убираю пару в сумку и обуваю кроссовки. Поднимаюсь, ста-

раясь не согнуть содранные колени. Прохожу мимо неё. Плечом к плечу. Я не толкаю её. Я просто занимаю пространство, которое она пыталась забрать.

— Пропусти, — говорю я тихо, не глядя на неё.

Марина замирает. Её лицо искажается от бессильной злобы. Она ожидала драки, слез, крика. А получила холодную вежливость и равнодушие. Я выхожу в коридор, оставляя её истерично сжимать кулаки. Тактическое отступление. Мне нужны силы для главного боя, а не для мелких стычек в дверях.

На выходе из здания ветер бьет в лицо, заставляя зубы стучать. Я стою у колонны, пытаясь остановить озноб. Тело шокировано болью и адреналином.

— Тебе холодно, — голос принадлежит Егору Светлову.

Он стоит рядом, держа в руках свою куртку. Егор — студент третьего курса, мой будущий партнёр по дуэту, если я останусь. Он единственный, кто видит во мне человека, а не инструмент для отработки поддержки.

— Надень, — он протягивает ткань.

Я качаю головой. Жалость — это яд. Если я приму помощь от него сейчас, я стану зависимой. Слабой.

— Спасибо, но нет, — отвечаю я, дергая уголком рта.

Егор смотрит на меня долгим, понимающим взглядом. Он ничего не говорит. Просто оставляет куртку на ближайшей скамейке и уходит, растворяясь в вечерней мгле.

Я жду пять минут. Десять. Одиночество давит сильнее

ветра. Когда я убеждаюсь, что никто не идет, я беру куртку. Она тяжелая, пахнет табачным дымом и мужским одеколоном. Запах чужого тепла. Я надеваю её, закутываясь в чужую жизнь, и позволяю себе одну минуту слабости, прежде чем направиться к кабинету ректора.

Кабинет Громова старшего находится на последнем этаже. Двери открываются сами собой, как пасть хищника. Ректор сидит за столом, перебирая документы. Он не поднимает глаз.

— Ваша стабильность вызывает сомнения, Кира, — его голос бархатный и липкий. — Стипендия... может быть пересмотрена. Мы платим за потенциал, а не за сломанные коленки.

Он пододвигает ко мне лист бумаги. Контракт. Условия личного надзора Артема Громова. Полный контроль режима, питания, тренировок. Отказ от права на жалобы. Штрафы за любое отклонение от графика.

Это ловушка. Это клетка. Но дверь за моей спиной уже закрыта для всех других путей. Исключение из академии означает возвращение в приют, в нищету, в забвение.

Я беру ручку. Рука не дрожит. Я подписываю своё имя, ставя точку в конце предложения своей свободы.

— Умный выбор, — наконец говорит ректор.

Когда я выхожу из кабинета, в фойе меня ждет Артем. Он не садится. Стоит, засунув руки в карманы брюк, и смотрит на меня сверху вниз.

— Телефон, — требует он.

— Зачем?

— Ключи от комнаты тоже.

Я молча достаю телефон и ключи, кладу ему в руку. Он забирает их, даже не глянув.

— Теперь ты живешь по моему графику, — говорит он. — Включая ночные тренировки.

— Почему вы меня не исключили? — спрашиваю я. Вопрос вырывается сам собой, несмотря на страх. — После того падения... это было очевидно.

Артем делает шаг ближе. Его лицо оказывается слишком близко, я чувствую запах кофе и металла.

— Исключение — это милосердие, — шепчет он, и в его глазах мелькает что-то темное, фанатичное. — А я не милосерден. Я хочу посмотреть, сколько боли ты выдержишь, прежде чем станешь совершенством.

Он разворачивается и ведет меня к служебному лифту. Металлические двери открываются, выпуская облачко пыли и запах старой смолы. Внутри темно. Пахнет потом и чужими секретами.

— Вверх ты пойдешь только если научишься летать вниз, — говорит Артем, указывая на кнопку подвала. — Иди.

Я делаю шаг внутрь темноты. Двери захлопываются, отсекая свет коридора, и я остаюсь одна с человеком, который собирается перековать меня в оружие ценой моей крови.

Глава 2

Утром Артем вернул мне ключи и телефон.

— Будильник на пять. Дверь не запирать. Звонки — только с моего разрешения.

Я спрятала телефон в сумку, прежде чем он передумает. Куртку Егора оставила в его шкафчике с коротким «спасибо» на клочке бумаги.

Воздух в зале разминки пах канифолью, потом и чьим-то дорогим парфюмом. Я стояла у станка, чувствуя, как лопатки сводит от холода. Вчерашнюю разбитую пару я выбросила. На мне были другие пуанты — старые, с потемневшими пятками на шёлке, купленные ещё перед поступлением. Содранные колени саднило под повязками. Здесь, у станка, особенно ясно вспоминался бетон приюта, где я танцевала босиком, мечтая о таком зале.

Марина Лазарева пролетела мимо меня в grand jeté, её юбка-пачка взметнулась белым облаком. Она была идеальна. Золотая девочка ректора, дочь мецената, который купил этой академии новый зал. А я — стипендиатка из никуда. Сирота без громкой фамилии и денег.

«Случайно» задев меня плечом, она не сбавила темпа. Удар был точным, расчетливым. Сбитая с оси, я резко перенесла вес на правую стопу. Внутри пуанта хрустнуло что-то важное. Не ткань. Каркас.

Звук получился глухим, но для тех, кто слышал музыку тела так же ясно, как музыку Шостаковича, это было громче крика. Моя стопа провалилась внутрь, пальцы ударились о сломанный картон. Боль вспыхнула белой вспышкой перед глазами. Я остановилась посреди зала. Тишина стала осязаемой. Все глаза были на мне. В них читалось не сочувствие, а голод. Голод увидеть падение.

— Ну что, Ветрова? — голос Марины был сладким, как переспелая груша. — Твои туфельки решили сказать «до свидания»? Или ты просто боишься летать?

Я молча присела, снимая пуант. Руки дрожали. Не от страха. От ярости, которая жгла горло. Я достала запасную пару из сумки — тоже старую, тоже дешевую. Надевая её, я не смотрела на Марину. Игнорирование было моим щитом. Если я дам ей реакцию, она добьет меня. Если промолчу — стану скучной мишенью.

Но Артем Громов не любил скуку.

Он вышел из тени зеркала так тихо, что я услышала его дыхание раньше, чем увидела силуэт. Чёрная тренировочная форма сидела на нём как вторая кожа, подчёркивая напряжённые мышцы. Он подошел ко мне, наклонился и поднял сломанный пуант.

— Техника мертва, — сказал он ровным, лишенным эмоций тоном. — Инструмент хрупкий. Но танцор — нет.

Он бросил сломанную обувь мне под ноги.

— Надень сломанный пуант. Вариация на осколки. Начи-

най.

Сердце пропустило удар. Это было приказом публичного унижения. Выполнить сложные фуэте на сломанном инструменте означало рисковать травмой, которая могла закончить карьеру до начала.

— Вы серьёзно? — спросила я, поднимая взгляд. Его глаза были цвета стали. Ни капли жалости. Только оценка материала.

— Настоящий мастер танцует даже на стекле, Кира. Докажи, что ты не мусор. Или убирайся.

Последние слова были адресованы не только мне. Курс замер. Марина усмехнулась, ожидая зрелища.

Я сняла запасную пару и переобулась обратно: целый левый пуант, сломанный правый. Выпрямилась. Пальцы ног ныли, предвещая адскую боль. Я закрыла глаза на секунду, вспомнив холодный пол общежития, где я училась стоять на носках, потому что других опор не было.

Музыка заиграла. Первая нота ударила в виски. Я сделала первый шаг. Пуант скрипнул, будто плача. Второй шаг — хруст усилился. Я чувствовала, как обломки впиваются в кожу через тонкую ткань чулок. Тепло крови начало сочиться вниз, по стопе, к полу.

Я не думала о боли. Я думала о том, как буду выглядеть в их глазах. Идеально. Холодно. Безупречно. Каждый pirouette был актом самоистязания, замаскированным под искусство. Когда музыка стихла, я стояла в центре зала, грудь ходила

ходуном, лицо каменело. На полу вокруг моих ног виднелись крошечные красные точки.

Аплодисментов не было. Только звенящая тишина и тяжелые взгляды однокурсников, которые видели во мне жертву. Жертву, которая согласилась играть роль игрушки.

После урока я выбралась в коридор, где воздух казался менее удушливым. Егор Светлов ждал меня у окна. Он выглядел обычным студентом: растрепанные волосы, мешковатый спортивный костюм, добрые серые глаза.

— Кира, — он протянул руку, предлагая помощь. — Давай я отнесу твою сумку. Ты вся бледная. Нужно обработать ногу.

Его близость была опасной. Теплой и мягкой. Такой, после которой нельзя будет вернуться в холод. Если я позволю ему помочь сейчас, завтра я сломаюсь, когда он увидит меня слабой. А слабость здесь — смерть.

— Не надо, — я резко отступила назад, вжимаясь спиной в стену. — У меня всё под контролем.

Егор опустил руку. В его глазах мелькнуло разочарование, но он не стал настаивать. Он умел читать людей лучше всех, но иногда ошибался в мотивах. Я не отталкивала его из гордости. Я отталкивала его, чтобы защитить его от себя же. Чтобы выжить в системе, где каждый контакт — это риск.

Кабинет Артема находился на последнем этаже. Дверь открылась сама, едва я коснулась ручки. Внутри не было стульев для посетителей. Только длинный стол из черного стек-

ла, ноутбук и запах крепкого эспрессо, перебивающий дух пыли и старых учебников.

Артем сидел за столом, глядя в экран. Не поднял головы, когда я вошла.

— Закрой дверь, — велел он.

Я выполнила команду. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Садись. Вернее, стой. Тебе рано расслабляться.

На столе лежала папка. Он подвинул её ко мне одним движением пальца.

— «Гран-При Юности». Закрытый турнир. Против Лазаревой. Призовой фонд позволит тебе оплачивать аренду жилья и покупку новых пуантов на три года вперед. Плюс рекомендательное письмо в Большой театр.

Я не притронулась к бумагам. Смотрела на него.

— Почему я? Марина — фаворитка вашего отца. Ректор хочет её победы.

Артем наконец поднял глаза. В них была пустота. Бездна, в которую можно упасть и не найти дна.

— Марина — декорация. Красивая, послушная, мертвая внутри. Ты — сырой материал. Жесткий. Голодный. Ты готова умереть ради этого шанса. Видела кровь на полу? Это красиво. Но недостаточно эффективно.

Он встал, обойдя стол. Его шаги были бесшумными, как у хищника.

— Условия простые. Я становлюсь твоим личным трене-

ром. Полным надзирателем. Режим сна, питание, общение, тренировки — всё под моим контролем. Отказ означает исключение за нарушение дисциплины. Твой сломанный пуант — уже повод. Халатность. Непрофессионализм. Ректор подпишет любой документ, если я скажу, что ты угрожаешь безопасности курса.

Это была ловушка. Безвыходная клетка. Подписать дополнение к вчерашнему контракту означало окончательно отдать свою жизнь в руки человека, который ненавидел всё живое. Означало стать его проектом, его искуплением, его куклой.

— Я хочу посмотреть условия, — сказала я.

Голос дрогнул. Я возненавидела себя за это.

— Читай внимательно, Кира. Там есть пункт о полном отказе от права на ошибку.

Я взяла листы. Текст мелкий, юридический, душный. Пункт 4.2 гласил: «Ученица обязуется следовать указаниям куратора относительно социального взаимодействия». Это значит запрет на дружбу. Запрет на любовь. Запрет на Егора.

— Почему именно так? — спросила я, поднимая взгляд.

— Потому что привязанности делают тело вялым. А мне нужно оружие. Острое, как скальпель.

В этот момент в голове щелкнуло понимание. Он не хотел спасать меня. Он хотел использовать меня. Чтобы доказать себе, что может создать идеал там, где его отец создал лишь красивую пустышку. Я была его экспериментом на выжива-

ние.

— Мне нужно время, — сказала я, кладя контракт обратно.

— Время — роскошь для богатых. У тебя его нет.

Глава 3

Я вышла в коридор. Сердце колотилось так сильно, что болели ребра. Под мышкой я зажимала папку: Артем разрешил забрать условия до утра, словно давал мне выбор. В полутьме коридора возникла тень. Марина.

Она стояла, прислонившись к стене, и курила электронную сигарету, выпуская дым прямо мне в лицо. Запах мяты и химии.

— Знаешь, кто был до тебя? — прошептала она, её голос был тихим и ядовитым. — Девочка из интерната. Такая же амбициозная. Артем взял её под крыло. Три месяца тренировок. Потом она исчезла. Говорят, уехала домой. Но я видела её машину. Она стояла у психбольницы.

Марина улыбнулась.

— Он сломает тебя, Кира. Так же, как сломал её. Просто он не хочет убирать следы сам. Пусть это сделает система.

Я посмотрела ей в глаза. Там был страх. Не мой страх. Её. Она боялась потерять место королевы.

— Лучше быть сломанной осознанно, чем никем, — ответила я и прошла мимо.

Ночь в комнате общежития была тяжелой. Лампа над столом гудела. Передо мной лежал контракт. Ручка в руке. Чернила. Бумага.

Я вспоминала приют. Запах вареной капусты и дезинфек-

ции. Детей, которые дрались за кусок хлеба. Меня, которая мечтала о сцене больше, чем о любви или тепле.

Если я не подпишу — я вернусь туда. Стану уборщицей, няней, кем угодно. Никем.

Если подпишу — я стану его игрушкой.

В дверь постучали. Три коротких удара.

Я вздрогнула. Открыть? Нет.

— Кира, — голос Артема был глухим сквозь дерево. — Я знаю, что ты бодрствуешь.

Я не двигалась.

Под дверью проскользнул конверт. Белый, плотный.

— Прочти. До утра. Или завтра я сообщу ректору, что ты сама повредила инвентарь из вредности. Исключение гарантировано.

Шаги удалились.

Я вскрыла конверт. Внутри были фотографии. Десятки снимков разных девушек в балетных пачках. Они улыбались в камеру, сияли успехом, держали кубки. Но их глаза... Они смотрели прямо в камеру, и ни один взгляд не отзывался на улыбку. У меня похолодели ладони. Последняя фотография была датирована тремя годами назад. Девочка из интерната — та, о которой говорила Марина. На ней не было улыбки. Только стеклянный взгляд и перевязанные стопы.

Страх сжал горло. Но вместе с ним пришла другая эмоция. Ярость. Холодная, чистая, кристальная ярость.

Он думал, что я соглашусь из страха. Он думал, что я буду

молчать. Он думал, что я буду благодарна за шанс.

Я взяла ручку. Кончик пера коснулся бумаги.

Не имя. Не подпись в графе «Согласие».

Я написала внизу, мелким шрифтом, между строк условий: «Я буду танцевать не для тебя. Я буду танцевать против тебя».

И только потом поставила свою подпись. Кира Ветрова.

Чернила высохли мгновенно. В комнате стало тихо, но тишина эта звенела в ушах. Контракт пах не бумагой. Он пах железом. Кровью. Обещанием войны.

Я легла в кровать, натянув одеяло до подбородка. Тело болело, пальцы пульсировали после двух дней в разбитой обуви. Но впервые за долгие годы я не чувствовала себя потерянной.

Я знала, кто враг. Я знала, где поле битвы.

Завтра начнется ад. Но у меня есть цель, ради которой можно гореть дотла.

Утро наступило без жалости. Я почти не спала: собрала сумку, проверила ленты запасной пары пуантов и спустилась в зал — встречать первый день контракта и войну, которую объявила ему подписью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.